

]

— Ну, — Янь Хан от неожиданности вздрогнул и понизил голос, — встал, что ли?

— ...Нет, нет, — Чу И снова опустил голову, а затем поднял её, — я ещё, ещё несовершеннолетний, такие разговоры, темы не, неуместны.

— Тогда чего ты подпрыгнул? — спросил Янь Хан.

— Маленький камешек, — сказал Чу И, — он, он, он, он выпал?

— Нет, — Янь Хан с трудом потер левой лодыжкой, к которой был привязан камешек, о правую голень, прислушиваясь к ощущениям, — на месте. Чувствую, узел затянут намертво, с чего бы ему выпасть?

— Ох, — Чу И выдохнул с облегчением, — я наступил, наступил на что-то твёрдое, подумал, что это каме, камешек.

— Не переживай, — Янь Хан улыбнулся, — вообще-то мне редко дарили подарки, если уж подарили, я бы не стал так легко их терять.

Выйдя из автобуса, Чу И, словно одержимый, продолжал протискиваться сквозь толпу и одновременно пытаться согнуться — ему непременно нужно было разглядеть, на что именно он наступил.

— Разглядел? — спросил Янь Хан.

— Крыш, крышка от бутылки. — Чу И потянул за край одежды, которая сбилась от давки.

— Всего лишь крышка, — заметил Янь Хан.

Чу И рассмеялся:

— Ещё меня называл, задирой.

— Пошли, быстрее, а то вернёмся поздно, и твоя бабушка снова будет ругаться, — сказал Янь Хан.

— Вечером ни, никто не следит, следит за мной, — закончил Чу И, видимо, вспомнив, что нужно замедлиться, и повторил: — Веч...ером... ни...кто не следит, следит, следит за мной.

Янь Хан уже хотел было рассмеяться, как сзади проехала машина и посигналила.

— Чу И! — окликнул кто-то.

Янь Хан обернулся: рядом с ними притормозил белый легковой автомобиль. Окно на пассажирском сиденье было опущено. Янь Хан заглянул внутрь и увидел, что на него смотрит мужчина средних лет.

— Мой папа, — Чу И подошёл к машине, — ты вер, вернулся?

— Куда ходили? — Отец Чу И открыл дверь и вышел. — Садитесь, я вас подвезу.

Сказав это, отец Чу И взглянул в их сторону, и, скользнув взглядом по лицу Янь Хана, вдруг

замер.

Янь Хан быстро посмотрел на своего отца, но тот выглядел совершенно обычно, даже с улыбкой на лице:

— Чу И, поезжай-ка с отцом. Мы тут совсем рядом, дойти два шага.

— Я... — Чу И замялся.

— Садись, — Янь Хан похлопал его по спине, — или хочешь возвращаться один?

— Ох, — Чу И улыбнулся, открыл дверь, сел в машину и снова прильнул к окну, — сегодня было так здоров, ово, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Янь Хан.

— Спокойной ночи, дядя Янь. — Чу И снова улыбнулся отцу Янь Хана.

— Спокойной ночи, — махнул рукой отец.

Когда машина уехала, Янь Хан и его отец остались стоять на обочине, не двигаясь.

Помолчав немного, Янь Хан посмотрел на отца:

— Пап, отец Чу И ведь наверняка не в первый раз тебя видит?

— Не знаю, — отец прикурил сигарету и пошёл дальше, — но я его вижу впервые.

Янь Хан помолчал и пошёл следом. Раньше он никогда не задавал таких вопросов, но сейчас чувствовал себя ходячей энциклопедией «почемучек».

Чу И был возбуждён. Весь вечер он чувствовал необычный подъём, и сам это осознавал — значит, радость была настоящей. Сидя на переднем сиденье, он тихонько напевал себе под нос.

— Это твои новые друзья? — спросил отец.

— Угу, Янь Хан, — Чу И кивнул, — эту оде, жду и обувь, всё это он мне, мне дал.

— Янь Хан, значит? — отец посмотрел на него. — А тот мужчина — его отец?

— Да, — Чу И улыбнулся, — мы только что вме, вместе ходили на музы, музыкальный фестиваль.

— Когда вы познакомились? — снова спросил отец.

— В про, прошлом месяце. — Чу И повернул голову и посмотрел на отца. Сегодня тот задавал слишком много вопросов. Обычно он почти ничего не спрашивал, и в их семье не было принято интересоваться делами друг друга.

— Вот как, — отец подъехал к дому и припарковал машину. — Ты хорошо знаешь их семью?

— Поче, почему ты спрашиваешь? — Чу И нахмурился.

— Мне кажется, его отец, — сказал отец, — какой-то странный. Лучше тебе... поменьше с ними общаться.

Чу И опешил и не успел переспросить, как отец уже вытащил ключ из замка зажигания и вышел из машины.

— Почему странный-то? — Чу И выскочил следом.

— Просто беспокойно на душе, — ответил отец, — ради безопасности.

— Ох, — отозвался Чу И и не стал больше расспрашивать.

Когда они вернулись домой, бабушка с дедушкой уже спали. Мама, только что принявшая душ, сидела на диване перед телевизором. Увидев отца, она помрачнела:

— Ваша бригада что, заставляет тебя работать сверхурочно без оплаты? Сказал, на час, а сколько уже прошло?

— Пришлось встретить человека, самолёт на час задержали, — ответил отец.

— Почему именно тебя послали? У тебя же сегодня выходной! В компании больше водителей нет? — Мама была очень недовольна. — Ты просто мямля, что скажут, то и делаешь, даже отказать не можешь!

— Старик Дин внезапно сказал, что не может, вот Генеральный Ло и позвал меня. Что я мог сделать? — Отец вздохнул и ушёл в туалет, закрыв за собой дверь.

— Старик Дин столько времени с тобой в контрах! Неужели ваш Генеральный Ло этого не знает? Взял и поставил тебя на смену Дина, — мама не унималась, — это же специально, чтобы позлить!

Из туалета не доносилось ни звука.

— Ты чего здесь столбом стоишь! Весь вечер где-то шлялся, душу потерял? — мама повернулась к сыну.

Чу И поспешно опустил голову, подошёл к письменному столу, включил лампу и сел.

— Уроки не сделаны, а ещё хватает наглости шлаться где попало! — прикрикнула мама.

Чу И молча достал тетрадь, лёг на стол, стараясь спрятать лицо как можно ниже.

Только когда мама ушла в свою комнату, он выдохнул и посмотрел на заданное на сегодня. Работы было много, возможно, придётся писать до часу ночи, но Чу И было всё равно. По сравнению с сегодняшним вечером, даже если придётся сидеть до самого утра, это не проблема.

Однако, написав несколько слов, он остановился. Мамины крики не могли испортить ему настроение после чудесного вечера, но вот слова отца заставили его загрустить.

Мама называла отца мямлей, и это не было лишь ругательством. Отец был трусоват, во всём проявлял чрезмерную осторожность, при возникновении любых проблем старался уйти в сторону... настоящий эталон пугливости.

Ах.

Наверное, его собственная способность терпеть передалась ему именно от отца.

Отец был ещё и подозрительным. Хотя он не считал любое проявление доброты оскорблением, как мама или бабушка, отец всегда полагал: с их положением любой, кто проявляет дружелюбие, скорее всего, пытается заманить их в ловушку.

И вот, стоило лишь раз увидеть дядю Яня, как отец сразу вынес такой вердикт. У Чу И на душе стало тяжело.

С точки зрения Чу И, даже Ли Цзыхао не был таким уж плохим человеком — просто следовал за толпой. Только таких, как Лян Бин, стоило обходить стороной.

Да, и ещё тот Старик Дин.

Коллега отца. Чу И видел его однажды, они даже не разговаривали, но он без всякой причины боялся этого человека — взгляд у него был очень свирепый.

Говорили, что они с отцом в контрах, но это было не совсем верно. Просто отец в одностороннем порядке считал Дина неприятным типом, с которым лучше не связываться. Дин даже не смотрел на отца прямо, а не так давно даже ударил его из-за какой-то ерунды с заправкой машины.

А отец, при всей своей натуре, даже после такого продолжал выдавливать из себя неловкую улыбку при встрече.

Если так подумать, он всё же сильнее отца: пусть он и терпит неприятных людей, но не заставляет себя им угождать.

Голова Чу И была забита всякой всячиной: то отец, то музыкальный фестиваль, то Янь Хан.

Янь Хан — особенный человек.

И не только потому, что он был первым настоящим другом за всю его жизнь.

Он отлично знал английский, был красивым, иногда крутым, даже дерзким, умел драться, готовил просто божественно и у него были очень красивые лодыжки...

А ещё он был очень нежным.

Даже зная, какая у него бабушка, в какой семье он живёт и что он — человек, который безропотно терпит всё подряд, Янь Хан всё равно уважал его.

Да, именно уважал.

Чу И уткнулся лицом в стол. Янь Хан уважал его. Какой же он замечательный человек.

— Будешь поздний ужин? — спросил Янь Хан, когда они вошли в дом.

— Чай пил, объелся, — отец зевнул, — не лезет. Если ты проголодался и хочешь что-то приготовить, я составлю компанию.